

ТЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

DOI 10.25991/VRHGA.2020.20.4.025

УДК: 215

*М. О. Орлов, Д. Н. Полохов, К. Ю. Петрова**

ТЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ**

Статья посвящена проблеме определения статуса теологии в системе гуманитарных наук в современной России. Несмотря на то что в последние годы теология официально признана в качестве научной специальности, в научном сообществе не прекращаются споры относительно правомерности данного решения. С целью предложить адекватные способы разрешения данной проблемы в настоящей статье предпринята попытка исследовать структуру теологии как науки в исторической и теоретической проекциях, сделав особый упор на отличительные для любой науки особенности — предмет и методологию исследования.

В ходе исследования установлено, что в культурах, сформированных под воздействием восточных вариантов христианства не возникало каких-либо существенных противоречий между религией и наукой, в то время как в странах западнохристианской культуры сложилась традиция противопоставления разума вере, популяризированная в европейской философии эпохи Просвещения.

Ключевые слова: теология, богословие, история теологии, методология теологии, наука, эпистемология, философия науки, философия религии, религиоведение, постсекулярное общество.

* Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, заведующий Кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; orok-saratov@mail.ru

Полохов Дмитрий Николаевич, протоиерей, проректор по научно-богословской работе, заведующий кафедрой богословия, Саратовская Православная Духовная семинария; polokhov@mail.ru

Петрова Кристина Юрьевна, аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Petra-velikaya@ya.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-70023.

M. O. Orlov, D. N. Polokhov, K. Y. Petrova
**THEOLOGY IN THE SYSTEM OF THE HUMANITIES: ASPECTS OF THE SUBJECT
AND METHODOLOGY**

This article is devoted to the problem of determining the status of theology in the system of the humanities in modern Russia. Despite the fact that in recent years theology has been officially recognized as a scientific specialty, the scientific community continues to argue about the validity of this decision. In order to attempt to propose adequate ways to resolve this issue, this article attempts to explore the structure of theology as a science in historical and theoretical projections, with a special emphasis on the distinctive features of any science — the subject and methodology of the study.

In order to establish the specifics of Orthodox theology, the peculiarities of the process of the formation of theology as a sphere of knowledge in Eastern Christian churches are compared with similar processes in the West. The study found that in cultures formed under the influence of Eastern versions of Christianity any significant contradictions between religion and science did not arise. At the same time, the atheistic tradition of the opposition of reason and faith, that was popularized in the European philosophy of the Enlightenment.

Keywords: theology, history of theology, theology methodology, science, epistemology, philosophy of science, philosophy of religion, religious studies, post-secular society.

Современная эпоха, называемая постсекулярной, характеризуется довольно противоречивым отношением к религии со стороны различных общественных сил. Поляризация современного общества на представителей религиозного и нерелигиозного мировоззрения, особенно заметная на постсоветском пространстве, нарастает с каждым годом, выходя на новый этап развития по мере появления любого информационного повода, так или иначе связанного с религией.

Одним из таких поводов стало появление в 2015 г. паспорта теологии как самостоятельной научной специальности ВАК, закономерно последовавшее за этим создание соответствующего диссертационного совета в 2016-м, и, наконец, защита первой кандидатской диссертации по теологии протоиереем Павлом Ходзинским в 2017 г. Эти события, ставшие проявлением официального признания теологии как отрасли научного знания в Российской Федерации, были восприняты научным сообществом далеко не однозначно. Так, например, ряд ученых (Юрий Панчин, Владимир Алешин, Александр Кузнецов и Дмитрий Щербаков) потребовал лишения Ходзинского степени кандидата наук. Примечательно, что все четверо являются биологами, что отражает общую тенденцию — из девяти отзывов на диссертацию четыре отзыва, написанные гуманитариями (философами и филологами), были положительными, в то время как остальные пять, написанные представителями естественнонаучных дисциплин, были отрицательными [11].

Нельзя не отметить, что подобная ситуация является лишь одним из множества проявлений острой дискуссии внутри самого научного сообщества о признании теологии наукой. Так, еще в 2007 г. в ответ на предложение XI Всемирного русского народного собора внести специальность «теология» в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии (ВАК) материалистически настроенная часть научного сообщества ответила т. н. «письмом десяти». В этом письме десять авторитетных представителей советской и российской науки, являющиеся академиками РАН, просили Президента

РФ «не допускать внедрения теологических дисциплин в сферу высшего образования и науки», а также высказывали общие опасения относительно «нарастающей клерикализации общества» [9]. Если проанализировать персоналии авторов письма (Евгений Александров, Жорес Алфёров, Гарри Абелев, Лев Барков, Андрей Воробьёв, Виталий Гинзбург, Сергей Инге-Вечтомов, Эдуард Кругляков, Михаил Садовский, Анатолий Черепашук), мы опять-таки можем заметить, во-первых, тот факт, что все без исключения подписчики были представителями естественнонаучного знания (семь физиков, два биолога, один медик), во-вторых, тот факт, что все они являются представителями еще советской научной школы (возраст семи из десяти подписантов на момент составления письма превышал 70 лет, на сегодняшний день четверых уже нет в живых). В ответ на это письмо в научном сообществе обособилась другая группа исследователей — геофизик Г. С. Голицын, биолог Г. А. Заварзин, космолог Т. М. Энеев, правовед Г. В. Мальцев и литературовед Ф. Ф. Кузнецов, которые распространили альтернативное письмо, где настаивали на том, что авторы «письма десяти» не являются авторитетами в обсуждаемой области, и высказывали несогласие с тем, что существующее проникновение Русской Православной Церкви в общественную и научную жизнь содержит какую-либо угрозу [10].

Все эти события как нельзя более ярко свидетельствуют о том, что по мере вхождения теологии в систему российской науки, само по себе научное сообщество оказалась расколотым на два лагеря. Научно-общественная дискуссия о «научности теологии» обнажила гораздо более глубокие проблемы отечественной науки, чем просто судьба конкретной научной специальности. Пожалуй, наиболее острой и значимой проблемой, послужившей основанием конфликта, стало отсутствие единого понимания самого концепта науки, научной методологии и критериев научности. Отчасти причиной этого является существенная разница в методологии гуманитарных и естественных наук, отчасти — господство материалистического мировоззрения на протяжении всего советского периода, что заставляет некоторых ученых старшего поколения продолжать воспроизводить марксистско-ленинские штампы относительно науки и мировоззрения в целом даже сегодня. О том, что последнее является значимым фактором, косвенно свидетельствует и тот факт, что во многих зарубежных университетах кафедры и факультеты теологии существуют на протяжении многих веков и вопрос о научности теологии как отрасли гуманитарного знания никем не оспаривается в принципе.

Но если последняя проблема сама по себе решится по мере того, как старшее поколение ученых будет со временем естественным образом вытеснено молодыми людьми, не испытавшими на себе влияния марксистско-ленинской философии, то проблема единого понимания концепта науки и научной методологии среди представителей гуманитарного и естественного знания гораздо более глубока и требует более серьезного исследования. Безусловно, в рамках настоящей работы мы не претендуем на то, чтобы поставить окончательную точку в длительном споре о научности теологии, однако прояснение ряда теологических и философских оснований, бессмысленных для современной

науки, несомненно, будет позитивным фактором, способствующим развитию и гуманитарных и естественных наук.

В современном научном сообществе границы науки обычно определяются наличием у той или иной отрасли знания своего специфического объекта исследования и собственной методологии. Говоря в этом отношении о теологии как о науке, можно сказать, что в то время как с объектом познания теологии существует определенный консенсус (хотя и в этом отношении ведутся дискуссии), то отсутствие самостоятельной научной методологии нередко предъясняется представителями естественнонаучных дисциплин в качестве основного аргумента несостоятельности теологии.

Однако при этом нельзя не заметить, что в области других наук, в т. ч. естественнонаучных дисциплин, заимствование методологии из других отраслей знания считается вполне оправданным и естественным актом. Так, например, математические методы используют и физики, и химики, и даже социологи, едва ли кто-то поставит в упрек физикам использование математической методологии в решении поставленных ими задач. Аналогично этому теология также может работать при помощи методологического аппарата смежных наук, таких как философия, история, филология и др., в зависимости от задач конкретного исследования. Но все же фундаментальное решение вопроса поиска методологических ориентиров теологии, очевидно, следует искать на стыке философии и теологии, т. к. именно в этой связке христианская теология как наука исторически пережила свое становления.

Говоря о том временном периоде, когда теология конституировалась как наука, нельзя не отметить, что само понимание научности было отлично от современного. То понимание науки, которое господствует сегодня, во многом является продуктом философии Нового времени, в то время как достаточно долгое время наука существовала в формате «накопления мудрости», в т. ч. — как инварианта религиозно-философского знания. Причем подобное отношение было характерно не только для периода раннего христианства, но и возможности постижения божественных истин в дохристианском, языческом сознании [12]. Не случайно даже в эпоху Нового времени наука продолжает пользоваться методологическим инструментарием философии, заложенным во времена тесного сотрудничества теологического знания с философским. Как справедливо отмечал в этом отношении В. Н. Катасонов, «За темой “наука и теология” стояла всегда тема “философия и теология”, или “разум и вера”» [6, с. 143].

Но прежде, чем говорить о методологических возможностях современной теологии, рассмотрим исторические контуры формирования методологии теологии. В этом отношении ярким примером сочетания естественнонаучного и философского знания с богословием может служить византийское интеллектуальное наследие.

Общие контуры научного уровня развития Византийской империи были достаточно интенсивными и во многом опережали западную Европу. При этом значительная роль духовенства и церкви в делах империи не только не препятствовала распространению философии и наук, но напротив, способствовала ей. Так, например, труд Иоанна Дамаскина «Источник знания» полно последовательно излагает актуальные космологические, философские, логические

и другие научные представления своего времени [7]. Митрополит Лев Математик осуществлял руководство Константинопольским университетом, а также самостоятельно занимался изысканиями в области математики, астрономии, механики [5]. Многие другие предпосылки развития науки в Византии были заложены именно представителями духовенства.

Однако для формирования научной методологии в контексте теологической системы немаловажное значение имело развитие философии. Работа исследователей в области византийской философии и богословия свидетельствует, что само понятие «философия» в восточно-христианской среде понималась по меньшей мере в трех разных смыслах:

Это, во-первых, целостное представление о христианстве как о некоем особом возвышенном (или «философском») образе жизни (и мысли); во-вторых, христианская философия занимается познанием сущих, которое, когда оно истинное, т. е. христианское, возводит от творения к Творцу; наконец, существует философский аспект богословского знания, который, в отличие от аспекта тайноводческого и мистического, связан с доказательствами, логикой и убеждением [1, с. 29].

При этом интересно заметить, что все эти три смысла отличны от ее понимания в последующей европейской традиции.

Особо значимый подъем философия в Византии пережила, разумеется, в период Вселенских соборов, когда в контексте активной полемики с еретическими учениями богословы остро почувствовали необходимость широкого и четкого категориального аппарата. Отношение греческих богословов к категориальному аппарату, да и языку в целом было двойственным — с одной стороны, очевидно было, что богооткровенные истины полностью не переводимы на человеческий язык. Однако в то же время им была присуща «оптимистическая уверенность в некоей фундаментальной адекватности» [3, с. 8] концептуального языка для выражения религиозных истин.

Подтверждением этого в некоторой мере служит отношение к решению ряда богословских вопросов. Многим современным христианам, например, может показаться странным, зачем древние богословы настолько яростно спорили относительно того, следует ли называть Деву Марию Богородицей или Христородицей или является ли природа Иисуса Христа одновременно божественной и человеческой или же богочеловеческой. Все эти чисто теоретические нюансы и смысловые категории имели особое значение по той причине, что христиане Византийской империи до определенной степени верили в то, что спасение зависит «от точности слов и фраз» [16, р. 224]. Именно по этой причине богословская наука для Византийской империи не была какой-то отвлеченной отраслью знаний, но имела конкретное прикладное значение.

Интересно отметить и своеобразный методологический поворот византийского богословия. Протоиерей Олег Давыденко в этом отношении отмечает:

В христологических дискуссиях VI–VII вв. традиционная богословская аргументация, то есть прямые ссылки на Священное Писание и мнения авторитетных авторов прошлого, хотя и продолжает использоваться, тем не менее заметно утрачивает свое значение [3, с. 8].

Таким образом, логико-философская аргументация приобретает приоритет над традиционной богословской аргументацией.

На первый взгляд, такая смена приоритетов может показаться странной, т. к. философские методы в теологии традиционно воспринимались как исключительно инструментальные и вторичные. Однако если обратиться к историко-богословским реалиям указанного периода, следует иметь в виду, что это период наиболее ожесточенной полемики с монофизитами. В данном случае обе стороны дискуссии (и монофизиты, и халкидониты) пользовались одним и тем же Священным Писанием, апеллировали к одному и тому же корпусу святоотеческих текстов прошлого. Это создавало ситуацию аргументационного равенства: ни в Священном Писании, ни в предыдущей богословской традиции ни одна из сторон не могла найти достаточных оснований для решения возникших противоречий в настоящем времени. Более того, если бы предшествующая традиция содержала бы прямые ответы на вопросы относительно количества природ Христа, данный раскол в принципе не мог бы возникнуть. Таким образом, складывается интересная ситуация, когда при возникновении двух противоборствующих богословских течений на единой предшествующей базе богословские решения всегда будут формироваться при помощи небогословской методологии.

Вполне закономерно, что греки всегда признавали за человеческим разумом определенные права в вопросах постижения вероучительных истин, хотя и с оговоркой, что человек не способен постигнуть всю полноту знания о Боге. Несмотря на то что человеческий разум слишком ограничен для того, чтобы познать истину относительно Бога всецело, тем не менее заложенный в человека Богом разум вполне достаточен, по крайней мере для того, чтобы выявить очевидное заблуждение [13]. Это идея имеет два методологически важных следствия: во-первых, она обосновывает продуктивность апофатического богословия (что создает теоретическую базу для полемики с ересями), во-вторых, она хотя и не объясняет, как именно можно устанавливать истину относительно Бога, но, по крайней мере, обосновывает то, что подобная истина существует и в принципе может быть установлена. Примерно таким образом можно сформулировать основные эпистемологические послышки византийского богословия, обосновывающие возможность и одновременно с тем — необходимость развития богословской науки.

Несмотря на то что тезис «философия — служанка богословия» появился на христианском западе, нельзя не отметить, что в целом на христианском востоке прослеживалась похожая ситуация. Однако если на западе философия хотя и была «служанкой», но всё же представляла собой самостоятельную отрасль человеческого знания (собственно, благодаря чему в эпоху Нового времени философия не только благополучно рассталась с богословием, но во многом вступила с ним в конфронтацию), то Византийская философия практически никогда не была областью самостоятельного знания. Само изучение философии рассматривалось в большей мере как средство приобретения соответствующего уровня культуры мышления, нежели как способ постижения истины. Философия, и прежде всего логика, только предоставляла инструментарий для богословия, указывая КАК необходимо направить человеческую мысль для

решения той или иной проблемы, в то время как главный вопрос — ЗАЧЕМ решать эту проблему — оставался в области богословия. Философская проблематика, например, христологических споров всегда основывалась на вне-философских вероучительных предпосылках и без христианской парадигмы не только была несостоятельна, но и попросту не нужна.

Отчасти именно в силу этих причин в эпоху Византийской империи между богословием и философией так и не было проведено четкой разделительной линии. Византийская теология — это, с одной стороны, философский проект, однако в то же время и сама по себе философия Византии определенно не состоялась бы без богословской потребности. Таким образом, представляется оправданным говорить о византийском богословско-философском мышлении как о целостном феномене, в котором собственно философский элемент присутствует хотя и как немаловажный, но все же вспомогательный по своему значению.

При этом нельзя сказать, что богословские изыскания восточных христиан ограничиваются исключительно философским инструментарием: в творениях отцов Церкви мы достаточно часто можно найти примеры апелляции как гуманитарному, так и к естественнонаучному знанию, адекватному своей эпохе. Однако при этом богословская методология обладает самостийным ядром, которое представлено непосредственно христианской идеей богопознания и без которого все остальные научные изыскания не имеют ни смысла, ни необходимости. Таким образом, можно констатировать амбивалентный характер византийского богословия: с одной стороны, оно активно использует методологический ресурс современных ему наук, а с другой — само по себе является методологическим ядром всего знания своего времени.

Совершенно иначе складываются взаимоотношения теологии, философии и других наук в западно-христианском мире. Несмотря на то что в контексте схоластики философское знание также являлось инструментарием, обслуживающим богословие, всё же на западе теология и философия всегда оставались более обособленными друг от друга областями. Так, например, Сигер Брабантский откровенно настаивал на том, что положения философии и теологии с необходимостью приходят ко взаимному противоречию. Иоанн Солсберийский, напротив, утверждал, что философия и теология не могут вступать в противоречие, «уже хотя бы потому, что они не имеют общего предмета и общей почвы» (цит. по: [12, с. 137]) (тут надо сделать небольшое пояснение: в эпоху схоластики предполагалось, что сфера философии — опытное знание, логика и рациональная методология, т. е. всё то, что сегодня относится к научной методологии; сфера же теологии — спасение души, и потому подчиняется она сверхъестественным законам). Так или иначе, оба богослова, хотя и по разным причинам, но приходили к единому выводу — философия и теология совершенно разные, обособленные друг от друга сферы. Тем не менее в католической традиции теология и философия (а вместе с ней и наука) хотя и уже довольно четко отделены друг от друга, но всё же еще способны работать вместе над одними проблемами.

Процессом, заставившим окончательно разделиться теологию и науку, стала, как ни парадоксально, Реформация. Безусловно, нельзя отрицать

наличие огромного количества существенных социальных и политических причин, подготовивших Реформацию, но если дистанцироваться от социально-исторических и экклесиологических проблем и попытаться проанализировать чисто богословско-философскую сторону вопроса, мы обнаружим, что несостыковки лежат непосредственно в вопросе соотношения разума и веры. Собственно, основным объектом приложения теоретической критики Мартина Лютера к томизму и католическому богословию вообще является засилье в схоластике античной философии и логики, а также отсутствие в ней религиозного опыта в должной мере. Относительно философии Лютер прямо говорит: «Ошибка говорить, что “без Аристотеля не станешь теологом”; ибо на самом деле никто не может стать теологом, доколе не останется без Аристотеля» [8, с. 378]. Более того, относительно рационального познания и использования разума в теологических изысканиях, Лютер, не скупясь в выражениях, говорит: «Разум — это величайшая блудница дьявола... утопите ее в истинной вере» [15, S. 130].

Хотя нельзя не отметить, что именно этот аспект католического богословия — весьма настороженное отношение к религиозному опыту — вполне свойствен (возможно, даже в большей мере) и для православного богословия, отсутствие должной проверки религиозного опыта возможностями разума и традиции очень легко может привести к принятию за божественное откровение чего угодно — от бесовских искушений до психических заболеваний.

Так или иначе, для лютеранства и протестантского богословия в целом довольно-таки характерным является отмежевание философских и рациональных посылок и как следствие — попытка построить богословие только на «внутреннем духовном опыте». Именно в таком, протестантском варианте методы рациональной науки и философии перестают быть необходимы, а значит — становится возможным существование внефилософской и вненаучной теологии.

Таким образом, можно констатировать, что процессы разрыва науки и религии в западной культуре, а также нарастание противоречий между разумом и верой первоначально были начаты не «со стороны разума», а «со стороны веры». Именно процессы Реформации подготовили почву для научной парадигмы Нового времени — системы, в которой знание является не «цельной мудростью», а набором верифицируемых фактов.

С одной стороны, за противопоставлением науки и религии идейно кроется противопоставление человека Богу, неудовлетворенность человека своей беспомощностью перед природой и желание ее контролировать. С другой стороны, некоторые исследователи напротив, видят в этом момент примирения человека с Богом. Так, П. Харрисон утверждает:

Фрэнсис Бэкон и его преемники в Королевском обществе, например, ясно видели свою задачу вернуть себе власть над природой, которые утратил Адам вследствие непослушания... Научная деятельность, таким образом, стала рассматриваться как неотъемлемая часть искупительного процесса [14].

Возможно, именно такая специфическая религиозность ученых обусловила появление идей деизма в этот исторический период. Так или иначе, в данном

случае мы наблюдаем хотя и довольно нетрадиционную, но тем не менее вполне теологическую по своей сути попытку обосновать необходимость науки.

В целом эта идея — спастись через рациональное познание Бога — проходит красной нитью через всю историю Нового времени вплоть до XIX в. Схожие мысли мы можем найти даже у позднего Гегеля, который предполагал, что высшей точкой развития религиозности является переход от веры к исследованию Бога. «Религия состоит именно в познании Бога» [2, с. 220], — писал он, предлагая религии стать одной из разновидностей науки.

Однако в то время как религия продолжала существовать, оставаясь вполне жизнеспособной и без научной составляющей, наука, по мере своего отделения от теологии, начала активный поиск идеи, которая могла бы заполнить образовавшуюся пустоту. Философия науки — отрасль философского знания, которая пытается обосновать необходимость научных исследований, — стала конституироваться только тогда, когда исчезло то, что можно было бы назвать «теологией науки». Очевидно, что фундаментальная наука не может развиваться бесцельно, и в тот момент, когда теология не дает ответа на вопрос, зачем существует наука, создаются искусственные системы, которые берут на себя функции «теологии науки».

Теряя взаимосвязь с религией, наука сама приобретает некоторые черты религии. Научное мировоззрение начинает «проповедоваться» — и этот процесс мы могли очень хорошо наблюдать на примере истории нашей страны в советский период, когда основным объектом «научного просвещения» стало неграмотное рабоче-крестьянское население. Нельзя, конечно, отрицать, что этот проект имел и положительные последствия (например, ликвидация повальной безграмотности), но вкуче с антирелигиозной пропагандой просвещение формировало неверное отношение к науке. Основной смысл такой пропаганды — кто не может понять науку, должен в нее поверить. В связи с подобной сакрализацией науки существенно изменяли свой статус и ученые: в таких условиях исследователь стал не просто тружеником науки, но жрецом, которому ведомо особое знание об устройстве этого мира.

Подобная «вера в науку» является глубоким противоречием с точки зрения самой идеи научного атеизма. Делая научный прогресс предметом веры, наука вторгается в пространство теологии, где неизменно приобретает черты сакрального и нередко утрачивает критицизм, который всегда считался одним из основных достоинств науки.

Возвращаясь к изначально обозначенной проблематике — методологическому непониманию теологии с позиции ряда представителей естественнонаучного знания, — можно резюмировать следующее. Исторически теология не только обращалась к другим отраслям человеческого знания в поисках фактологического и методологического инструментария для решения своих задач (что является абсолютно нормальным процессом междисциплинарного взаимодействия любых наук), но и являла собой ценностно значимое ядро науки как целенаправленного процесса. Начиная с периода Нового времени по мере разделения науки и теологии в науке начала искусственно зарождаться квазибогословская составляющая, которая могла дать ученым ответы на те вопросы, на которые раньше отвечала теология. Всё это закономерно вело к сакрализации науки

и ее замыканию на себе самой. Современная наука как социальный институт нередко представляет собой герменевтический круг, где ученый — это тот, кто занимается наукой; наука — это то, что соответствует научной методологии, а что именно соответствует научной методологии, решают ученые. Разумеется, в таком контексте теологии крайне трудно вписаться в критерии научности, т. к. теология, ориентируясь не на саму науку как сферу деятельности, а на стремление к абсолютной истине (которая с позиции христианской теологии укоренена в Боге), размывает эту систему, заставляя пересмотреть всю современную научную парадигму в принципе. Между тем, попытка подобного пересмотра стала бы, безусловно, позитивным фактором, позволяющим науке преодолеть существующие сегодня внутренние противоречия.

В этом отношении одной из принципиальных проблем современной теологии в гуманитарной среде видится ее изначально неверное позиционирование как той сферы, которая ответственна только за морально-этическую составляющую образовательного процесса. Так, например, митрополит Иларион, говоря о необходимости кафедры теологии в МИФИ, заявлял, что специалистам естественнонаучного профиля данный курс нужен для того, чтобы «задуматься над принципиальными философскими вопросами, лежащими за пределами научной специализации учащихся, но неизбежно затрагивающими каждого человека и требующими осознанного самостоятельного ответа» [4]. Безусловно, теология как сфера знания дает определенные ответы на метафизические и морально-нравственные вопросы. Но такая постановка вопроса как бы выводит теологию за грань науки, делает ее добавочной, вспомогательной. Между тем, теология вполне может функционировать в варианте строгой научной дисциплины, и именно в таком виде она может полноценно войти в систему гуманитарного знания.

Именно по этой причине вхождение теологического знания в систему высшего образования и науки представляется не просто допустимым, но необходимым для пересмотра познавательных ценностей и векторов развития науки в принципе, что для высшей школы, пожалуй, является более важным, чем пресловутое «формирования морально-нравственных идеалов у молодого поколения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беневиц Г. И., Бирюков Д. С., Шуфрин А. М. Византийская философия: философия или богословие? (переписка из трех углов) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2011. — Вып. 2. — С. 25–34.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. — М., 1975. — Т. 1.

3. Давыденков О. В. Философия и теология в системе византийского мышления эпохи вселенских соборов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. — 2008. — Вып. 1 (21). — С. 7–16.

4. Иларион, митрополит. Какая связь между ядерной физикой и теологией? (интервью РИА Новости) // Правмир. — URL: <https://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-kakaya-svyaz-mezhdu-yadernoy-fizikoy-i-teologiy/> (дата обращения: 01.06.2019).

5. История Византии. — М.; Л., 1967. — Т. 2.
6. Катасонов В. Н. Интеллектуализм и волюнтаризм: религиозно-философский горизонт науки нового времени // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: ИФ РАН, 1997. — С. 142–178.
7. Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры: VIII — первая половина IX века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Лютер М. Диспутация против схоластической теологии (1517) // *VERBUM*. — Вып. 15: Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. — С. 377–383.
9. Первая публикация письма академиков // «Новая газета», приложение «Кентавр». — 2007. — 22 июля.
10. Письмо других академиков. Заявление представителей РАН в связи с «письмом десяти» // *Интерфакс*. 01.11.2007. — URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681> (дата обращения: 01.08.2018).
11. Протоиерея степени лишают. Ученые обжаловали присуждение первой ученой степени по теологии // *Газета.ru*. 30.07.2017. — URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/07/30_a_10811336.shtml?updated (дата обращения: 01.08.2018).
12. Хоружий С. С. Философия и теология: старые и новые парадигмы отношений // Хоружий С. С. О старом и новом. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 289–310.
13. Шохин В. К. Христианские догматы и философская рациональность: конфронтация или синергия? // *Богословие и философия: аспекты диалога: Сборник докладов конференции*. — М., 2001.
14. Harrison P. Setting the record straight: Christianity and the rise of modern science // *ABC Religion and Ethics*, 20.08.2013. — URL: <https://www.abc.net.au/religion/setting-the-record-straight-christianity-and-the-rise-of-modern-/10099674> (дата обращения: 01.09.2019).
15. Luther M. *Wider die himmlischen Propheten* // *D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe*. — Weimar, 1908. — Bd. 18. — S. 37–214.
16. Meyendorff J. *Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes*. — New York, 1983.